

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 67

Издательство Томского университета
2015

нормы о разумном сроке судебного судопроизводства и праве на обжалование вступают в противоречие. Разрешить данное противоречие могло бы введение понятия «злоупотребление правом» в УПК РФ. В рамках данного понятия, на взгляд автора настоящей статьи, необходимо установить следующие ограничения:

– запрет обжалования одного и того же постановления по одним и тем же основаниям в рамках одного и того же уголовного дела. В случае если заявитель не согласен с решением суда, он вправе обжаловать данное решение в вышестоящий суд. Но другой заявитель в рамках данного уголовного дела не вправе подать точно такую же жалобу на то же самое постановление;

– запрет подачи немотивированных жалоб. В жалобе должно быть четко обозначен предмет обжалования, указано, какие права нарушены, в чем выразилось нарушение данных прав, какие последствия имели нарушения данных прав.

Указанные нормы ни в коей мере не ограничивают право обжалования, однако позволяют избежать злоупотребления правом. В случае несоблюдения указанных выше условий жалоба должна оставаться без рассмотрения, что позволит избежать судам, а также иным государственным органам ненужной работы и сосредоточиться на защите прав граждан.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ: ПРАВО НА ЗАЩИТУ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

DOI 10.17223 9785751123871/12

И.В. Чаднова

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»¹ наряду с обязанностью суда реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту установлено право на отказ в удовлетворении ходатайств защиты и на иное ограничение правомочий обвиняемого либо защитника, если это обусловлено

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 9. Сент.

явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса.

Такое ограничение, по мнению Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), не будет считаться нарушением права на защиту, так как является злоупотреблением процессуальными правами. При этом единственным правовым обоснованием допустимости «не признать право обвиняемого на защиту нарушенным» ВС РФ полагает ч. 3 ст. 17 Конституции РФ «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Ссылка на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ в обоснование возможности ограничения процессуальных прав обвиняемого по меньшей мере неубедительна, потому как указанная конституционная норма определяет не злоупотребление правом в принципе, а недопустимость нарушения прав иных лиц, конкретных лиц с имеющимися у них конкретными интересами. Следовательно, такой аргументацией Пленум ВС РФ утверждает, что недопустимо одним субъектам уголовного судопроизводства, используя свои права, причинять ущерб правам иных субъектов уголовного судопроизводства.

В круг субъектов уголовного судопроизводства, кроме участников, чьи права и законные интересы затронуты преступлением, входят также дознаватели, следователи, прокуроры, а также иные процессуальные лица, не обладающие охраняемым законом материальным интересом. Исходя из принципа состязательности (суть которого как раз и состоит в том, чтобы каждая из сторон причиняла ущерб процессуальным интересам оппонента), интересы стороны защиты (обвиняемого и его защитника) противоречат интересам стороны обвинения, а исходя из задач функции уголовного преследования, интерес следователя (дознавателя) не только прямо противоположен интересам обвиняемого, но и может расходиться с интересами потерпевшего.

Очевидно, что предлагаемое ВС РФ расширительное понимание нормы ч. 3 ст. 17 Конституции РФ позволяет расценивать многие действия обвиняемого и его защитника как нарушение прав потерпевшего (или, что еще абсурднее, следователя), что в результате приведет к многочисленным злоупотреблениям со ссылкой на указанную норму и мнение Пленума ВС РФ. Так, например, ходатайства защиты о допросе большого количества свидетелей можно расценить как нарушение права потерпевшего на разумный срок производства по делу.

Институт добросовестности не содержится в УПК РФ, однако в действующем законодательстве встречается. Вопрос добросовестного использования предоставленных прав нормативно урегулирован в ГК РФ, согласно ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, и запрещено действовать недобросовестно, с намерением причинить вред другому лицу, в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

При этом о злоупотреблении правом можно говорить лишь тогда, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права¹, т.е. совершает формально разрешенные действия, например, в каждом судебном заседании заявляет множество ходатайств, постоянно меняет предмет или основания иска, использует различные «уважительные» причины для отложения судебного заседания и т.д. Причем такое требование добросовестности не применимо, если в законе предусмотрен специальный запрет на злоупотребление правом (например, ограничение на представление новых доказательств при апелляционном пересмотре дела).

В уголовном процессе также существуют запреты на «стандартные» злоупотребления, например: отказ в удовлетворении необоснованного ходатайства, назначение защитника вместо неявившегося в установленные законом сроки и др.

Однако при наличии в действиях субъекта тех или иных предусмотренных УПК РФ злоупотреблений суд ограничивает сторону защиты в процессуальных правах не по собственному усмотрению, не на основании ссылки на некие конституционные нормы, а в установленном уголовно-процессуальным законом порядке (выносит мотивированное постановление, ожидает явки защитника определенное количество дней и т.д.). То есть суд ограничивает обвиняемого во времени ознакомления с материалами дела не потому, что страдает право потерпевшего на рассмотрение дела в разумные сроки или у следователя истекают сроки предварительного расследования, но только при явном затягивании времени ознакомления (хотя формулировка уже позволяет

¹ *Белых В.С., Избрехт П.А.* Злоупотребление субъективными гражданскими правами в предпринимательских отношениях // <http://ppt.ru/news/65956>.

некий судебский произвол в определении степени явности). Возможно, в ряде случаев и усматривается некое злоупотребление стороной защиты предоставленными ей правами, однако суд не может быть уверен, что вызов на допрос заявленного защитой в последний момент свидетеля не повлечет благоприятного изменения положения обвиняемого или оправдательного приговора.

Даже для процесса с более выраженным состязательным началом – гражданского – самым разумным вариантом является запрет на злоупотребление определять конкретной нормой, а не декларативной ссылкой на статью Конституции РФ. Безусловно, невозможно определить законом все многообразие злоупотреблений и соответственно запретов, потому суды в ряде случаев уполномочены по своему усмотрению оценивать процессуальное поведение сторон. Однако предоставляя суду полномочия по своему усмотрению отказывать лицам, злоупотребляющим своим правом, нужно учитывать различия в реализации принципа состязательности в ГПК РФ и УПК РФ. В гражданском процессе на сторону возлагается риск несовершенства действий, и в логике этого процесса скорее правильно, когда ошибки стороны могут негативно повлиять на результат рассмотрения дела. В уголовном процессе положения презумпции невиновности и правило о бремени доказывания однозначно указывают на то, что обвиняемый не должен помогать стороне обвинения, а несовершенство защиты не должно ложиться бременем последствий на самого обвиняемого.

Помимо этого, любое ограничение права должно соответствовать не только ч. 3 ст. 17, но и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе¹.

Статья 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом, причем толь-

¹ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5.

ко в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В то же время УПК РФ не содержит ни одной нормы, устанавливающей зависимость реализации какого-либо предусмотренного данным Кодексом процессуального права от добросовестности его осуществления или злоупотребления им.

Между тем согласно позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в п. 3.3 мотивировочной части Постановления от 01.03.2012 №5-П: «Из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом»¹. Норма о добросовестности закреплена в ранее упомянутой ст. 10 ГК РФ, присутствует она и в процессуальных кодексах (ч. 2 ст. 41, ч. 2 ст. 111 АПК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Основной вопрос любого ограничения права, тем более права на защиту – это ограничительное толкование соответствующей нормы и полная определенность перечня случаев, когда такое право может быть ограничено. Однако использованный Пленумом ВС РФ в постановлении критерий «явно недобросовестное использование правомочий обвиняемого или его защитника в ущерб интересам других участников процесса» является оценочным и соответственно не может отвечать данным критериям. Собственно, нормы о злоупотреблении правом в абстрактном виде или повлекут не установленное законом излишнее ограничение прав на защиту, или будут иметь исключительно декларативный характер.

Представляется, что правовое регулирование затронутого в постановлении Пленума ВС РФ вопроса о возможности ограничения права на защиту в силу недобросовестности его использования должно быть закреплено на уровне соответствующего федерального закона (УПК РФ) с определением перечня оснований для признания данного ограничения допустимым и обусловлено обязанностью следствия или суда мотивировать наличие объективных причин для такого ограничения.

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.